Любить и ненавидеть

Главным героем романа «Берег», во всяком случае главным героем, к образу которого сходятся все сюжетные линии, стал писатель. Аналогичной фигурой в следующем романе Бондарева — «Выбор» — сделался художник. В критике высказывалась мысль, что объяснение тому следует искать в той роли, которую играют в жизни нашего общества литература и искусство. М. Козьмин, например, писал: «Мир, созданный Бондаревым в этом романе, — это, в основном, мир художественной интеллигенции с ее страстями, спорами, переживаниями». В центре его — судьба талантливого живописца, испытывавшего сильное душевное потрясение, ищущего выход из обуревавших его сомнений, снова и снова задающего себе вопрос о смысле того, что он делает. Выдвижение в творчестве Бондарева последнего времени (романы «Берег», сборник «Мгновения» и роман «Выбор») на первый план образа художника, его нравственных творческих исканий отражает все возрастающую роль искусства в нашем обществе, все возрастающий интерес к художественному таланту как редкому дару, который является не только личным, но и национальным достоянием. В своем новом романе Ю. Бондарев раскрывает интеллектуальную и эмоциональную организацию творческой личности и показывает, какой напряженный, противоречивый и напряженный комплекс чувств, ощущений и мыслей стоит за понятием «талинский», как остро и с какой болью преломляются в душе подлинного художника тревоги века¹.

Да, это, безусловно, верно. Но думается, что все же главной причиной, определившей профессиональную

¹ «Литературная Россия», 1981, 2 января.

принадлежность основных фигур новых произведений Бондарева, была необходимость выбора такого героя, который в силу не только своих индивидуальных, но и, так сказать, «родовых» качеств был бы пригоден для глубокого философского осмысления сложнейших проблем прошлого, настоящего и будущего.

«Выбор» в еще большей мере, чем «Берег», является романом философским. Именно философским, а не «интеллектуальным», как утверждают некоторые критики. Разумеется, термин «интеллектуальный» в применении к литературе носит в известной степени условный характер, ибо, конечно же, трудно представить себе литературное произведение (а не ремесленную поделку), лишенное света интеллектуальности. Но даже взятый с этой поправкой на условность термин «интеллектуальный» недостаточен для определения романа «Выбор», так как этот последний отличается не только глубиной мысли, широтой обобщений и тонким психологизмом, но и постоянным прямым обращением к осмыслению главных проблем человеческого бытия.

Поступок, действие в этом романе играют заметно меньшую роль, чем в предыдущих произведениях Бондарева. Больше того. О некоторых из совершенных персонажами поступков, даже решающей важности, автор не сообщает читателю почти ничего или сообщает так мало, что остается простор для догадок, домыслов, предположений... Однозначно трактуемых поступков, действий, даже реплик в романе немного. Многозначность, «многоотрастимость» происходящего и происшедшего ранее в судьбах героев значительно повышает мыслительный потенциал произведения. О том, как велик «разброс» вариантов истолкования различных ситуаций романа, мотивов поведения его героев, лучше всего свидетельствуют как появившиеся в печати непосредственно после выхода романа отзывы о «Выборе», так и не утихающие дискуссии о нем, до сего времени идущие и в прессе, и в среде читателей. Любопытно, что даже характеристика романа как произведения философского, которая прозвучала уже в первых рецензиях, опубликованных в печати, была вскоре оспорена. А Бочаров, выступая в дискуссии, организованной редакцией журнала «Вопросы литературы» на тему «Современный роман — современность в романе», заметил, что Ф. Чапачов в «Литературной газете» «несколько поторопил

отнести «Выбор» к жанру философского романа. По мнению А. Бочарова, следует говорить лишь об «обостренном интересе к философской тематике», характерном для этого произведения.

Однако это высказывание А. Бочарова оказалось, на наш взгляд, убедительно опровергнутым в ходе той же дискуссии в выступлении Ю. Суровцева, который рассуждает «философичность прозы как ее стилевое искусство. Не в плоско, внешне формально понимаемом смысле (некая совокупность «приемов», «техник», приемов, приемов которых якобы и создает такую философичность), а как выражение осознанной творческой воли автора — его стремления углубить анализ изображаемого до того уровня проблем (смысл жизни... назначение человека... место человека в меняющемся социальном историческом континууме... качественный сдвиг в социально-историческом мире, прошедший через душу человека, и т. д.), который издавна связывается с философски углубленными этическими системами сознания». И далее: «Рука», «почерк» Ю. Бондарева, его живописная пластика, его постоянно ощущаемая забота о гибкости и одновременно законченности фразы и предложения — все это переходит у него из книги в книгу, от «Атальонов...» до «Выбора». При всем том именно в «Береге» и «Выборе» господствует у Бондарева художественно-философская стилевая доминанта. И надо заметить, что в этих двух романах автор не только приобретает новые качества своего индивидуального стиля, но и все труднее становится достичь эстетической цели произведения, что, впрочем, и понятно, поскольку художественные задачи — дать образно-философскую модель современного мира — намного сложнее, чем решались писателем прежде»¹.

Ю. Суровцев не только с исчерпывающей ясностью характеризовал основные жанровые признаки философской прозы, отметив безусловное наличие этих признаков в «Береге» и «Выборе», но и очень точно обозначил ту необычайно сложную творческую задачу, которую ставил перед собой писатель в двух романах: создать образно-философскую модель современного мира. Естественно, выбирая в качестве главных героев писателя художника, Бондарев стремился в чем-то чисто «тех-

¹ «Вопросы литературы», 1981, № 9, с. 14.

нологически» облегчить свою задачу. Но одновременно он ее этим же чрезвычайно усложнил.

Однако обратимся к сюжету романа.

...В Венецию прибывает московский художник Васильев. Он широко известен и у себя на родине, и за рубежом. Его картины экспонировались и в Италии, где имели успех. И вот он, уже побывавший прежде в Венеции и по-художнически влюбленный в этот полный романтической красоты город, предвкушает радость от встречи с Венецией, радость, которую доставит ему открытие дворцов, каналов, набережных вместе с ним жене. Увы, все происходит не так, как мечталось Васильеву... По-прежнему сильно и нежно влюбленный в жену, пронесший эту любовь к девочке-однокласснице через фронт и долгие годы совместной жизни, Васильев мучительно и горестно замечает меты охлаждения со стороны Марии. В их отношениях нарастает отчужденность, Мария становится все более далекой от него, все менее внимательной. И здесь, в Венеции, вместо радостного оживления, на которое он надеялся, — замкнутость, раздражительность, явственно ощущаемая внутренняя напряженность. На этом неблагоприятном психологическом фоне Васильева не то чтобы потрясло, как это, видимо, произошло бы при других обстоятельствах, но несказанно изумило внезапное известие о том, что его школьный, училищный, а затем и фронтовой друг Илья Рамзин, который погиб почти на глазах у Васильева — во всяком случае, Васильев слышал, как смолкло оружие Ильи и его бойцов, отстреливавшихся от фашистов, — оказывается, жив и ищет встречи с ним. Изумление Васильева столь велико, что он как бы и не вполне осознает значительность такого факта: Мария раньше его узнала об Илье, раньше увиделась с ним, да и письмо, приглашающее Васильева на встречу с Ильей, пришло на ее имя...

И вот за ресторанным столиком напротив Васильева сидит Илья Рамзин. Трудно, почти невозможно узнать в корректно-суховатом, невозмутимом иностранце прежнего Ильюшу, того Ильюшу, под знаком дружбы с которым прошли детские годы в довоенном Замоскворечье, который был (или не был?) влюблен в Машу, который стал командиром батареи, решительным, азартным в бою, примером храбрости и решительности для комвзвода Васильева.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66